

АНЦИЛЯРНОСТЬ КАК ПРОКЛЯТИЕ ФИЛОСОФИИ

Анализируется проблема анцилярности философии. На широком историко-философском материале прослеживается характер «служения» философии теологии, науке и политической идеологии.

Ключевые слова: анцилярность, пайдейя, *Ancilla theologiae*, Университет Гумбольдта, государство Модерна, идеология, марксизм-ленинизм, национальная идентичность.

Аналізується проблема анцилярності філософії. На широкому історико-філософському матеріалі простежується характер «служіння» філософії теології, науці та політичній ідеології.

Ключові слова: анцилярність, пайдейя, *Ancilla theologiae*, Університет Гумбольдта, держава Модерну, ідеологія, марксизм-ленінізм, національна ідентичність.

The problem ancillary philosophy is analyzed in the article. The principles of «service» to philosophy, theology, science, and political ideology can be observed in historical and philosophical materials.

Key words: ancillary, paideia, *Ancilla theologiae*, Humboldt University, the state of Modern, ideology, Marxism-Leninism, national identity.

Как-то известный христианский экзегет Климент Александрийский сравнил философию с Агарью, египтянкой-служанкой Авраама, которая помогла ему преодолеть на старости лет проблему отсутствия потомков. Мудрость, открытая Божественным Откровением (которая впоследствии станет теологией), символизируется образом Сарры, законной жены еврейского Праотца, госпожи Агари. Однако брак Авраама с Саррой оставался бесплодным, пока не подросла «помощь» египетской наложницы. Так и Божественная мудрость, считал Климент, будет бесплодной без познания философии. Он сам указывал на источник столь символического толкования 16-го раздела книги Бытия – экзегезу Филона Александрийского [6, с. 39].

Начиная с Климента, тезис о философии как служанке теологии становится общим местом в патрологических и схоластических опусах. Начиная с Иоанна Дамаскина и Петра Доминиани и заканчивая Фомой Аквинским и Раймундом Луллием определение философии как *ancilla theologiae* становится общей характеристикой отношений этих областей человеческого духа. У средневековых мыслителей эта мысль находит различное словесное выражение. Одним из первых её высказал Петр Дамиани: «Философия должна служить Священному Писанию, как служанка – своей госпоже».

Отчетливое выражение этой мысли мы находим у Фомы Аквинского: «Эта наука (теология) может взять нечто от философских дисциплин, но не потому, что испытывает в этом необходимость, а лишь ради большей доходчивости преподаваемых ею положений. Ведь основоположения свои она заимствует не от других наук, но непосредственно от Бога через Откровение. Притом же она не следует другим наукам как высшим по отношению к ней, но прибегает к ним, как к подчиненным ей служанкам» [116, с. 827]). Каким же образом философия попала в положение *Ancilla theologiae*? Не сама ли философия способствовала этому? И что же такое, в таком случае, философия?

Философия является изобретением греческого духа, попыткой нахождения общего порядка в мире хаотических изменений. Гомеровская поэзия вводит состязательность (агон) как норму культуротворчества и закладывает тем самым основы всей европейской культуры. Дальнейший путь развития воинственного древнегреческого духа пролегал в своеобразной его сублимации в новый тип общественных связей, основой которых становится закон (номос) как безличная форма, обязательный для всех свободных граждан. Формируются полисы (города-государства), в которых каждый полноправный гражданин – собственник и политик – выражает личные интересы путем поддержки общественных. Равное положение граждан перед законом вводит новые механизмы в агональную культуру. На первый план выдвигаются «мирные добродетели» («справедливость», «рассудительность», «благочестие»), а необходимость поддержания общего блага ставит граждан в позицию принудительного социального творчества. Боги охраняют и поддерживают новый и природный порядок (космос), в котором отношения регулируются принципами космической компенсации и чувства меры и подлежат рациональному осмыслению в натурфилософских системах. Философия, которая рождается именно в это время, становится средством рационализации этой космологической идентичности. Она становится, прежде всего, средством воспитания (пайдейи) гражданина города-полиса, преодоление жизненных кризисов («фармацея» Сократа) и достижения атараксии как формы внутренней свободы. Более того, в лице Платона, философия выдвигает требования на подчинение всех сфер человеческого жизненного мира своим абстрактным требованиям. Постигшие сущность справедливости должны стать архонтами всего сущего. Но не суждено философии было стать хозяйкой социума. Неудачные потуги Платона, а со временем и Плотина, построить идеальное государство с помощью сильных мира сего, показали всю иллюзорность этих стремлений. Впрочем, потерпев фиаско в реализации своих утопических проектов в политике, эллинистическая философия обратилась к исцелению человеческих душ, то есть занялась, выражаясь современным языком, психотерапевтической деятельностью. Следуя определению философии у стоиков как «искусства жить», современный

французский мыслитель Пьер Адо утверждает, что философия в античности, вопреки современным представлениям о ней, была не только и не столько теоретической дисциплиной, и тем более экзегезой определенного рода текстов, но в первую очередь – образом жизни, в основе которого лежало то или иное экзистенциальное предпочтение. И именно в этом экзистенциальном предпочтении определенного стиля или способа жить следует искать начало и основание философского дискурса, который оправдывает, объясняет и обуславливает этот образ жизни.

Акцентирование терапевтической функции философии, ее направленности на исправление души, самосовершенствование, в Древнем Риме все более приобретает медицинский оттенок. Так, для Эпиктета «школа философа» представляется чем-то вроде «диспансера души» или «лечебницы», посетители которой должны осознать свое состояние в качестве патологического, научиться видеть себя больными, нуждающимися в исцелении философией.

По выражению Платона, философия становится своеобразной идеологией хосписа, «подготовкой к смерти». Но, понятая таким образом философия не выдерживает конкуренции с религией, особенно христианством, ядром которого является вера в преодоление смерти путем воскресения. Именно поэтому христианские апологеты считали, что греческая философия была подготовительной стадией к восприятию эллинами христианства, которое, в свою очередь, является логическим завершением античной мудрости, ее последней и наиболее адекватной формой. Трагический опыт неоплатонизма, этого последнего и наиболее блестящего творения античного духа, свидетельствует о симптомах того, что вместе с античной цивилизацией могла бы погибнуть и философия. И здесь можно согласиться с французским философом Е. Жильсоном, утверждавшим, что на самом деле совсем не философия поддерживала жизнь христианства в течение четырех веков, а скорее, именно христианство спасло философию от гибели. Ценой спасения было место Агари...

Впрочем, философия не слишком тяготилась местом служанки. Более того – Госпожа дала ей надежное убежище за стенами мощных монастырских стен. Бурные перипетии раннего средневековья Философия-Агарь пережила в монастырских кельях, лишь изредка покидая их для утешения своих адептов, пытавшихся в кровавом мире варварского насилия и невежества черни сохранять философскую невозмутимость (например, последнего римлянина – Боэция). Впрочем, под сенью нововозникших университетов, признавая примат теологии, она становится (по завету Филона Александрийского) госпожой семи свободных искусств (*septem artes liberales*): Грамматики, Диалектики, Риторики, Геометрии, Арифметики, Астрономии, Музыки (*harmonia*). Эти семь строгих латинских дам (зачастую Грамматику изображали с розгами для наказания неуспевающих учеников) были «приданным» Филологии при ее браке с богом Меркурием (согласно известному опусу Марциала Капеллы (V в.)). Как и почему они перешли от Любословной (Филологии) к Любомудрой (Философии) – о том средневековые

манускрипты умалчивают, а может быть утрачены – времена-то были смутные и тёмные...

В средневековых университетах свободные искусства составляли первую ступень высшего образования и преподавались на низшем, подготовительном факультете – артистическом (лат. *facultas artium (liberalium)*). Окончившим его присваивалась учёная степень магистра свободных искусств (*magister artium liberalium*). Первоначально философия, несмотря на свой почтенный возраст, была заподозрена в связях с оккультизмом, претендовавшим на статус тогдашней науки, то есть являлась источником всяческой ереси и фактически сводилась к этим семи наиболее благопристойным занятиям, прежде всего к так называемой диалектике, коей в те времена именовалась логика, построенная на моделях аристотелевского Органона, порфириевой Исагоги и бозциевых Предикаментов. Так даже вольнолюбивый трубадур философии Абельяр сводил философию исключительно к диалектике, считая, что «она в качестве водителя и устроителя всеобщей науки (*universae doctrinae*) обладает властью над всей философией» [1]. Так служанка служанки становится ее госпожой.

К началу XIII в. происходит резкий переворот в судьбе Философии, немалую роль в котором сыграла восточная, а если быть точными – мусульманско-иудейская рецепция Аристотеля. Лейб-медики, маги и звездочеты мусульманских халифов и эмиров, ставшие комментаторами Стагирита, создали ему, выражаясь современным языком, посмертный имидж «короля философов». Метафизика и натурфилософия Аристотеля привлекает и христианских государей, несмотря на определенное недоверие к нему со стороны церковных иерархов и богословов. Начинается бурная переводческая деятельность, происходит новая христианская рецепция Стагирита и к середине XIII в. факультет свободных искусств Парижского университета фактически становится факультетом философии Аристотеля. Система семи свободных искусств оказалась устаревшей. По известному изречению приписываемому Фоме Аквинскому, «семь свободных искусств недостаточны для деления теоретической философии» (*septem artes liberales non sufficienter dividunt philosophiam theoreticam*).

В 1255 г. на собрании факультета искусств было принято положение, чтобы все студенты обязательно изучали полный корпус трудов Аристотеля. «С этого дня, – отмечает исследователь К.Х. Лор, – факультет искусств стал тем, что мы могли бы назвать философским факультетом, с новым значением в его собственных глазах и тенденцией развивать обучение независимо от теологического факультета» [20, с. 24].

К концу средневековья, получив подпитку от трудов «короля философов», Философия-Агарь возносится над своей госпожой. Этому способствует поддержка со стороны монархов в изучении и распространении наследия Аристотеля. Как известно, еще в 1224 г. императором Фридрихом II был основан Неаполитанский университет, в котором впервые стали изучать и обсуждать натурфилософские

трактаты Аристотеля и сочинения исламских учёных. На Сицилии была организована специальная школа переводчиков с арабского языка. Поддержку развитию средневекового аристотелизма оказывал французский король Карл V, сам читавший сочинения великого Философа. В частности, по его предписанию, Николай Орезм в 1370 г. перевёл на французский язык «Никомахову Этику» Аристотеля. Кроме того, по просьбе короля Орезм написал комментарий на «Политику» Стагирита и посвятил его своему монарху. Этот союз Философии и Власти создавал основу для формирования нового языка власти, который апеллировал не к христианским ценностям, а к «общему благу» и к политической теории управления, основанной на средневековой университетской науке. В рамках данного языка государство понималось не как греховный «земной Град» себялюбцев и эгоистов, а как необходимый инструмент социального существования человека, регулируемый и управляемый соответствующими механизмами и задачами общественного благополучия. При этом считалось, что монархи должны строго следовать цели «общего блага» и чётко исполнять своё предназначение. В ином случае, народ имеет право на восстание, что утверждал, в частности, Фома Аквинский. Он считал, что общество обладает суверенитетом и полномочно разрывать контракт с правителем, который нарушает порядок и справедливость. Понятно, что подобная риторика, не оправданная законными способами противодействия властям, на самом деле, ни к чему не обязывала. Однако само её формирование укрепляло статус государства и власти. Университетская философия переходит в услужение политической власти. Промонархическая перипатетика начинает играть огромную роль в укреплении независимости власти монарха не только по отношению к папству и Церкви, но и к родовым аристократическим элитам.

К концу средневековья под покровительством светских властей средневековые университеты становятся замкнутыми цеховыми корпорациями для сохранения истины. Главным смыслом ученых занятий становится сохранение и упорядочение имеющегося знания, но отнюдь не его обновление или приращение. Знание надо было бережно хранить, чтобы оно вновь не забылось, как это произошло с античными традициями в эпоху после крушения Римской империи. Наилучшим же средством сохранения знания является обучение. Целям обучения, сохранения, систематизации имеющегося знания и служит средневековый университет. Иерархия факультетов отражала иерархическое единство знания – в отличие от специализации и дисциплинарного членения, характерных для современной науки и современной организации высших учебных заведений. Это была Ученость, вознесшаяся наравне со Священством и Властью. Однако последующее развитие университетов привело к потере их особой юридической автономии. В период XV-XVI вв. европейские университеты превратились в символ, как отмечает Ле Гофф, «идеологической полиции на службе у политической власти» [8, с. 123], а члены научных корпораций стали представлять собой замкнутую и предельно консервативную касту.

Именно эта кастовость и «элитарность» университетской философии становится объектом насмешек и глумления со стороны итальянских свободных гуманитариев-«гуманистов», считавших, что они возрождают подлинную античную мудрость. Так еще в XIV в. Франческо Петрарка в трактате «О своем и чужом невежестве» иронически замечал: мы живем в счастливое время, потому что раньше был один, два, самое большее семь мудрецов, теперь же их буквально толпы, стада, которые наполнили все университеты. Он обличает университетское образование и кажущуюся мудрость, которая в устах Петрарки предстает псевдомудростью, которая оперирует различными терминами и словами, но ни к познанию Бога, ни к познанию человека не имеет никакого отношения.

Университетских философов сменяют бродячие учителя мудрости. Служанка теологии в эпоху Ренессанса становится строптивой и непослушной. Вырвавшись из монастырских и университетских стен, Философия пытается соблазнить итальянскую олигархию, в особенности флорентийский правящий дом Медичи. Вилла Кареджи, подаренная Козимо Медичи лидеру новых философов-«гуманистов» Марсилио Фичино, становится оплотом астрологии, герметизма и натуральной магии. Впрочем, эта связь философии и оккультизма существовала еще в средние века. Из-за плеча средневекового студента часто выглядывал чернокнижник. Люди боялись непонятной учености, и корни этого страха уходили в толщу времен. Общество знало о существовании оккультных наук и не удивлялось, если интеллектуал появлялся в облики мага. Вполне уважаемые доктора, авторитетные теологи и философы – Бонавентура, Альберт Великий, Раймунд Луллий, Роджер Бэкон увлекались алхимией, астрологией, изучали наследие каббалы и гностиков. Современники считали их занятия магией, историки науки видят здесь механические и физико-химические опыты, сами они стремились подчинить свои тайные знания высшим целям (так, оптические наблюдения Роджера Бэкона были связаны с учением о всепроникающем божественном свете). Они не афишировали, но и особенно не скрывая своих занятий, не вписывавшихся в официальные университетские структуры и программы. Особенно много подобного рода ученых было среди медиков.

Во второй половине XV в. тайные знания получили новый импульс развития за счет оживления позднеантичных оккультных традиций во Флорентийской Платоновской Академии, всячески подогреваемый итальянскими олигархами. Особый интерес вызывают труды, приписываемые мифическому Гермесу Трисмегесту (перевод которых Марсилио Фичино предпочел, по настоянию Козимо Медичи, предполагаемому ранее переводу диалогов Платона), работы гностиков и каббалистов. Философия охотно «идет в услужение» оккультным наукам, а ее корифей Платон, авторитет которого в эпоху возрождения затмевает прежнее влияние его ученика Аристотеля, оказывается в одном ряду с реальными и мифическими

«тайновидцами» – Гермесом Трисмегистом, Орфеем, Аглаофемом, Пифагором, Филолаем...

Гремучая смесь неоплатонизма, герметизма, каббализма и гностицизма обволакивают всю ренессансную философию. Почти все философы-«гуманисты» в той или иной степени отдали дань этой моде. Помимо уже упомянутого Марсилио Фичино, это известный философ-каббалист Джованни Пикоделла Мирандола, мистик Агриппа Неттесгеймский, математик и алхимик Джон Ди, философ-герметик Джордано Бруно, врач и алхимик герметико-каббалистической традиции Парацельс, астролог и утопист Томмазо Кампанелла. Эта «мода» подогревалась и многими сильными мира сего. Император Священной Римской империи Рудольф II создал в Праге своеобразный центр оккультной мысли своего времени – при его дворе бывали Джон Ди и его медиум Эдвард Келли, был принят крупнейший каббалист раввин Лев бен Бецалель, по одной из версий легенды императора посещал и доктор Иоганн Фауст. Примечательно, что оккультные взгляды в то время легко сочетались с занятиями тем, что сейчас понимается как академическая наука: помимо уже упомянутых, дань магии, астрологии или алхимии отдали Исаак Ньютон и Тихо Браге.

Возникает вопрос: не является ли современная наука порождением этого оккультного ажиотажа, не было ли это ренессансное возрождение магии истоком философии европейского Модерна?

В конце XVI-XVII вв. после Реформации, Контрреформации и серии кровавых религиозных войн происходит своеобразное философское отрезвление. В образованных кругах разных стран Европы распространяется убеждение, что только опыты и наблюдения способны положить конец бесконечным философским и теологическим распрям. С этим было связано критическое отношение к оккультизму и превознесение опытного знания. Поэтому в изучении Книги Природы многие интеллектуалы той эпохи увидели выход не только из бесконечных споров философских систем, разрешить которые оказалось невозможно, но и из конфессиональных конфликтов, потрясавших Европу. Это может показаться весьма современным, прямо-таки идущим в унисон гораздо более поздним позитивистским и околопозитивистским декларациям. Но такое созвучие – только видимость. Для людей XVII в. речь шла о том, какое Откровение менее подвержено произвольным истолкованиям - Писание или Книга Природы. «Философия написана в величественной книге: (я имею в виду Вселенную), которая постоянно открыта нашему взору...» – пишет Галилео Галилей [4, с. 5]. Книга Природы представлялась более надежной и свободной от предвзятости человеческих истолкований. Поэтому в критическом размежевании с традиционным философским и теологическим знанием, со знанием чисто спекулятивным, нет ничего похожего на противопоставление знания, полезного в экономическом смысле, и знания, полезного для души познающего. Ибо если Книга Природы есть истинное

Откровение Бога, то ясно, что чтение такой книги полезно для души, т.е. наука приносит самую непосредственную практическую пользу, но практическое тут понимается в традиционном философском смысле как относящееся к искусству правильного построения собственной жизни.

Завершая свой «Новый Органон», один из первых столпов философии Модерна Френсис Бэкон пишет о том, что «человек, пав, лишился и невинности, и владычества над созданиями природы. Но и то, и другое может быть отчасти исправлено и в этой жизни, первое – посредством религии и веры, второе – посредством искусств и наук. Ведь проклятие не сделало творение совершенно и окончательно непокорным. Но в силу заповеди «В поте лица своего будешь есть хлеб свой» – оно после многих трудов (но, конечно же, не посредством споров или пустых магических действий) все же отчасти понуждается давать человеку хлеб, т. е. служить человеческой жизни» [3, с. 123].

Таким образом, способность науки существенно улучшить материальные условия человеческой жизни – «наделение человеческой жизни новыми открытиями и благами» [3], если воспользоваться словами Бэкона – рассматривалась в XVII в., в отличие от XIX в., не в связи с задачами укрепления национального государства, а в контексте служения человека, направленного на постижение воли Бога и на реализацию божественных замыслов. Наука становится вместо Теологии новой госпожой Философии.

Однако не лукавил ли по своему обыкновению барон Веруламский? Не поставил ли он свою философию в услужение новому Левиафану, оправдывая это высокими религиозными мотивами? И если философия становится служанкой науки, то в каком смысле?

Соотечественник Ф. Бэкона Бертран Рассел пишет: «Авторитет науки, признаваемый большинством философов новой эры, весьма существенно отличается от авторитета церкви, ибо он является по своему характеру интеллектуальным, а не правительственным. Никакие кары не обрушиваются на головы тех, кто отвергает авторитет науки; никакие соображения выгоды не влияют на тех, кто его принимает. Он завоевывает умы исключительно присущим ему призывом к разуму. Другой чертой, отличающей авторитет науки, является то, что он как бы соткан из кусков и частичек, а не представляет собой, подобно канону католической догмы, цельной системы, охватывающей человеческую мораль, человеческие надежды, прошлую и грядущую историю Вселенной. Авторитет науки высказывает свое суждение только о том, что в данный момент представляется научно установленным, а это составляет лишь крошечный островок в океане неведения» [13, с. 218].

К этим соображениям необходимо добавить и следующее. Вплоть до середины XIX в. четкого разграничения между наукой и философией не существовало. Философия представлялась «высшей формой» научного знания. Об этом свидетельствуют хотя бы названия фундаментальных трудов Исаака Ньютона «Математические начала

натуральной философии» и Жана Батиста Ламарка «Философия зоологии», а также множества других. В то же время практическое значение науки было впервые признано в связи с ростом вооружений: Галилей и Леонардо добились должностей на службе государства своими проектами усовершенствования артиллерии и фортификации. Начиная с этого времени роль ученых в войне неуклонно возрастала. Лишь с XVIII в. наука становится движущей силой индустриализации, остовом западной цивилизации, становясь все более теоретической основой технических изобретений и все менее и менее концепцией, объясняющей природу мира. Философия принимает более отвлеченный и индивидуалистический характер, хотя ее изыскания все больше использовались не во Славу Божью, а на создание универсальных технологий власти. Философия, в этом смысле, становится не «служанкой» науки, а «служанкой» политической власти.

В философии Томаса Гоббса, по выражению Поля Рикёра, «Галилея от политики» [14, с. 166], происходит своеобразная иерофания нового смертного бога Левиафана. Его философская апология этого монстра эпохи Модерна не имеет пределов: «Вне государства - владычество страстей, война, страх, бедность, мерзость, одиночество, варварство, дикость, невежество, в государстве – владычество разума, мир, безопасность, богатство, благопристойность, общество, изысканность, знание и благосклонность» [5, с. 364]. Хотя сама двузначность метафоры (Левиафан не просто смертный Бог, а одновременно дракон, пожирающий человечество огнем) оставляет для Философии своеобразную лазейку свободы. Впрочем, это было возможным лишь до той поры, пока само государство Модерна не превратило философов в штатных учителей мудрости.

Просвещение создает новую модель взаимоотношений Философии и Власти, которая, несмотря на некоторые метаморфозы и девиации, продолжает существовать до настоящего времени. Ядром этой модели является понимание философии как одного из средств воспитания добропорядочных граждан Модерного Государства. «Университет Гумбольдта» становится институциональной основой этого «свободного» служения Философии дисциплинарной всепроникающей Власти.

И. Кант, И.Г. Фихте, Ф.В. Й. Шеллинг, Г.В. Ф. Гегель были, прежде всего, «philosophe salarié» («философами по должности»). Иммануил Кант (читавший лекции до 1796 г. в Кенигсберге) и Георг Вильгельм Фридрих Гегель (читавший лекции до 1831 г. в Берлине) были, прежде всего, преподавателями философии. Гегель написал всего лишь две книги (не считая компендиума для своей «Энциклопедии философских наук» и «Философии права»): «Феноменологию духа» (1807) как свое первое крупное сочинение и введение в собственную философию и «Науку логики» (1812-1816) как краткое изложение собственной мысли. Тот, кто, скажем, в 1825 г. хотел познакомиться с другими темами философии Гегеля, должен был ходить на его лекции; изданы же они были только после его

смерти, когда его ученики из рукописных заметок и записей студентов составили гегелевскую философию религии, эстетику, философию истории и историю философии. Подобная переоценка университетского преподавания служит отличительным признаком XIX в. В том, что касается статуса университетской философии, XIX в. не стал простой антитезой XVIII в., а ознаменовал собой существенный сдвиг в преподавании философии в университетах, открывший еще одно измерение передачи философской мысли. И сегодня великие мыслители раскрываются наиболее полно и непосредственно в своих лекциях. В этом и состоит отличие философии от других дисциплин; в плане преподавания известный экономист-теоретик запросто может ограничиться передачей основных знаний, если этого требует учебный план и ожидают его студенты. Но преподаватель философии едва ли откажется выразить свою оригинальность, особенно при чтении университетских курсов.

В 1851 г. в своей статье «Об университетской философии» Артур Шопенгауэр выступил с критикой распространенного «лекторского» подхода к философии, который он, вообще говоря, считал пагубным, то есть пагубным для философской мысли [19]. Вскоре после этого Фридрих Ницше возмущенно писал о связи государственных служащих с областью свободного и независимого духа: «в результате подлинная философия остается непонятой и замалчивается» [11, с. 286].

Интересно отметить, что и марксизм рождается в среде неуниверситетских философов. По окончании Берлинского университета и защитив докторскую диссертацию по философии, Маркс собирался при содействии Б. Бауэра стать профессором философии в Боннском университете. Однако сам Бауэр вскоре лишился своей должности, и Марксу пришлось стать «свободным философом», причем довольно радикальных взглядов. Критикуя гегелевскую философию права, он видит в философии «духовное оружие» пролетариата, который должен воплотить ее (философию) в действительность. Философии тем самым должна выйти из тесных стен «Университета Гумбольдта», где «различным образом объясняли мир», и при помощи своего «материального оружия» – пролетариата, изменить его. Однако этот призыв будет услышан лишь в XX в., вся же немецкая классика и неокантианство, господствовавшее в немецкой духовной жизни вплоть до 1918 г., были прежде всего *университетской философией*.

Однако задача лекций по философии, как средства распространения собственных взглядов философа или даже формирования навыков самостоятельного мышления у слушателей, представляет собой лишь крайнее выражение стандартного процесса, который позволяет нам с XIX в. говорить об университетской философии; потому что даже там, где меньше всего речь шла об оригинальности, лекция – как академическое средство передачи философских знаний – становилась первоочередным моментом в овладении философским знанием. В XIX в. всякому, кто интересовался философией, больше не нужно было корпеть над

трудами великих философов, хотя именно это Шопенгауэр и – позднее – Эдуард фон Гартман считали верным способом, позволяющим прийти к самостоятельному мышлению, – достаточно было просто посещать лекции в университете. Если под термином «изучение философии» понимать интерес к старым и новым системам и мыслям, которые обычно называют философскими, то в XIX в. сложилась новая форма изучения философии.

Профессионализация университета в преподавании и исследовательской деятельности наряду со специализацией научных дисциплин сделали философский факультет в Германии наиболее крупным и значимым факультетом во второй половине XIX в. В то же время философия была включена в подготовку учителей: кандидаты на учительские должности в гимназии должны были сдать так называемый «*philosophicum*» (экзамен по философии). Отто Бисмарку приписывается великолепная фраза: «Прусский учитель выиграл сражение при Садовой». Немецкая философия сыграла решающую роль в подготовке этого учителя, который смог передать этот национальный дух своим ученикам.

Под влиянием Германии каждое европейское Государство-Нация пытается обрести свою духовную легитимность через национальную университетскую философию. К началу XX в. каждая страна гордилась своим национальным философом, и у Франции был соответственно Анри Бергсон, у Италии Бенедетто Кроче, у Испании Унамуно, у России менее признанный Владимир Соловьев... Это стремление университетской философии стать воплощением национального духа сыграло злую шутку с философией в 1914 г. Здесь можно вспомнить «Декларацию немецких университетов», принятую по инициативе Тюбингенского и поддержанную ректорами и сенатами всех 22 университетов Германии. В этом документе ведущей мыслью было единство немецкого народа и его интеллектуальных вождей с воюющей армией. Занятия наукой и военная служба рассматриваются в нем как веления долга, средства воспитания чувства чести и самосознания свободного человека в добровольном подчинении себя целому. В российских интеллектуальных кругах воодушевление августа-сентября 1914 г. было весьма сходно с тем настроением, что охватило немецкое общество в эти же первые месяцы войны. «Священное единство Государя с народом», забвение прежних политических и идейных распрей перед лицом общего врага, утверждение православной религиозности вопреки засилью германской обмирщенной цивилизации и культуры – все эти темы были в центре обсуждения духовных проблем войны. Ключевым событием в этом отношении стало открытое заседание Религиозно-философского общества памяти В.С. Соловьева в Москве 6 (19) октября 1914 г., на котором был среди прочих зачитан ставший широко известным доклад В.Ф. Эрна «От Канта к Круппу», где сущность немецкого милитаризма и жажды овладения миром логически дедуцировалась из протестантской религиозно-метафизической основы кантовской философии.

В начале XX в. философия занимала в общественном пространстве России важное, едва ли не центральное место. Недаром пароходы, на которых большевики выслали из страны цвет интеллектуального сообщества, потом стали называться «философскими», хотя уезжали не только философы, но и историки, писатели, агрономы, ученые. Роль философов Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, С.Л. Франка, П.Б. Струве, профессоров, публицистов, политиков, которые выступали в средствах массовой информации, была очень высока. После победы в гражданской войне именно в них большевистский режим видел основную угрозу своему существованию.

Возникающий в 20-е гг. «советский марксизм», в сущности, представлял собой комплекс идеологем, обеспечивающих политическое единомыслие, упрощающих и прямо фальсифицирующих реальность, и не имеющих ничего общего с философией, как она понимается в европейской гуманитарной традиции. Философия окончательно превращается в служанку не просто Государства, а Тоталитарной Идеологии. Более того – перед ней в тоталитарных государствах был поставлен более жесткий выбор: или концлагерь, или служба единственно правильной идеологии.

Подобные же процессы начинают происходить и в нацистской Германии после 1933 г. Хотя здесь сами *Völkischephilosophie* (в числе коих и М. Хайдеггер) немало способствовали этому превращению Философии в служанку Идеологии и Пропаганды. В своей инаугурационной речи М. Хайдеггер, выдвинутый нацистами на пост ректора Фрайбургского университета, вполне в духе национал-социалистической пропаганды провозглашает: «Немецкий университет значим нам как высшая школа, которая от науки и через науку берет вождей и хранителей судьбы немецкого народа для взращивания и воспитания» [17, с. 18].

В нацистской Германии упорно пытались создать впечатление, будто их мировоззрение является законным наследником, чуть ли не всего возвышенного и высокоидейного, что существовало в интеллектуальной жизни Германии на протяжении ее истории. Впрочем, и австро-английский экономист-либерал Ф. Хайек в работе «Дорога к рабству» отмечал, что «Национал-социалистское учение – венец длительной эволюции философской мысли, чье влияние было громадным не только в Германии, но и далеко за ее пределами, оно вобрало в себя элементы философских концепций Фихте, Гегеля, Ницше» [18, с. 47].

Однако и советская идеологизированная философия (марксизм-ленинизм) претендовала на то, что она является результатом критического усвоения лучших традиций немецкой классической философии. В этом плане интересна мысль английского историка Э. Карра о том, что в Сталинградской битве столкнулись две школы гегелевской философии.

Победа в 1945 г. продлила существование «классической» философии, по крайней мере, в СССР и странах Восточного блока.

Правда расплатой за это стало ее полное подчинение идеологическим схемам, что неизбежно придало ей схоластический и догматический характер. В период «хрущовской оттепели» появляется правда неофициальная («терпимая» официальными органами контроля) и подпольная философия, которая создаёт инфраструктуру семинаров, распространения оригинальных произведений и переводов (самиздат), однако она не оказывала существенного значения на роль философии в социалистического общества, поэтому крушение социализма в Восточной Европе, а затем в СССР стало и крушением философии марксизма-ленинизма. «Конец марксизма-ленинизма, – пишет П. Козловски, – по своему всемирно-историческому значению сравним лишь с крушением языческого политеизма в поздней античности. Вместе с марксизмом-ленинизмом приходит к концу героический век рабочего и его всеобщей мобилизации. С окончанием европейской гражданской войны, которая велась из-за правильного понимания героя, «рабочего», и из-за того, каким типом человека является призванный и законный совокупный труженик мирового духа, исчерпался также и модерн как идеология. Ибо гегельянство со своей теорией человека как совокупного труженика мирового духа и марксизм со своей теорией пролетариата как освободителя человечества как раз и образуют идеологию модерна» [7, с. 12].

После Второй мировой войны европейская философия ушла от университетского академизма в экзистенциализм – философию жизненных настроений или философию языка став теорией толкование текстов, деконструкцией дискурсов, логичным прояснением мыслей. Философия к концу XX в. заговорила на английском – языке современных глобальных коммуникаций. Как пишет современный философ К. Свасьян: «Философия, говорящая по-английски, а сейчас уже и по-американски, – это своего рода путь в Каноссу, на который немецкая философия вступила после 1945 г., параллельно с политическими казнями в Нюрнберге, когда как раз выяснилось, что «немецкая вина» – это вина не только всех без исключения немцев, но и едва ли не в первую очередь немецких философов: от Гегеля и Фихте до Ницше» [15, с. 33].

Постмодернизм, как новая культурологическая «мода», после «смерти человека» провозглашает и «смерть философии». Редакторы сборника «После философии: конец или трансформация?» К. Бейнс, Дж. Бомен, Т.А. Маккарти называют 14 наиболее известных мыслителей конца XX в., которые поднимают эту тему (Р. Рорти, Ж.-Ф. Лиотар, М. Фуко, Ж. Деррида, Д. Дэвидсон, М. Даммит, Х. Патнем, К.-О. Апель, Ю. Хабермас, Г.-Г. Гадамер, П. Рикер, А.Макинтайр, Х. Блюменберг, Ч. Тейлор) [12]. Философия в постмодернистскую эпоху «заката метанарративов» теряет, как отмечает Ж.-Ф. Лиотар, «все прежние центры притяжения, образуемые национальными государствами, партиями, профессиями, институциями и историческими традициями» [9, с. 144-145]. Единичные призывы к ее реанимации (например, знаменитый «Манифест философии» Алена Бадью [2] остаются не востребованными в разнообразии

информационных потоков. Как хрупкая капризная служанка, современная философия ищет себе хозяйку, которой могла рожать истины, но у него в наше время появилось множество конкуренток, которых она наплодила за две с половиной тысячи лет своего существования. Психология и социология, культурология и политология более молодые и менее привередливые в своих требованиях и претензиях с удовольствием готовы занять ее.

Однако в начале второго десятилетия XXI в. оказывается, что слухи о кончине Философии оказались преждевременными. Российско-израильский философ Аркадий Недель в своем «Манифесте философии» (2013) пишет: «Именно сейчас, когда философия, часто при помощи плохо составленных университетских программ, превращается в ремесло, которое, понятно, не приносит достаточного заработка, когда роль философии, как и интеллектуальной деятельности в целом, низведена до состояния услуги той или иной политической власти, что устраивает многих современных разжиженных интеллектуалов, – именно сейчас нужда в философии колоссальна» [10].

Философия начинает производить новые языки описания и способы мышления, востребованные нынешним историческим моментом. При этом она пытается снять с себя «проклятие» анцилярности тяготеющее над ней на протяжении двух веков ее существования. Античные философы Пифагор, Сократ, Платон, Зенон, Эпикур и Сенека рассматривали своё дело, философию, как упражнение в заботе о себе. Последующая история философии стала историей удаления от «ἐπιμέλεια ἑαυτοῦ», – историей служения различным идеологическим проектам. После христианского служения теологии, после титанических трудов наукообразного системостроительства, изошренных попыток обоснования политических практик европейская философия снова становится тем, чем она была у древних греков – практикой заботе о самом себе.

Использованная литература

1. *Абеляр, П.* Возражение некоему невежде в области диалектики, который, однако, порицал занятие ею и считал все ее положения за софизмы и обман / П. Абеляр; пер. Н.А. Сидоровой // Абеляр П. История моих бедствий. – М. : Издательство АН СССР, 1959. – С. 89-94.
2. *Бадью, А.* Манифест философии. – СПб. : Machina, 2003. – 178 с.
3. *Бэкон, Ф.* Новый Органон // Бэкон Ф. Сочинения : В 2-х т. – М. : Мысль, 1972. – Т. 2. – С. 7-123.
4. *Галилей, Галилео.* Пробирных дел мастер / Пер. Ю.А. Данилова. – М. : Наука, 1987. – 72 с.
5. *Гоббс, Т.* Основы философии. О теле // Гоббс Т. Избранные произведения в 2-х т. – М. : Мысль, 1964. - Т. 1. – С. 6-303.

6. *Климент Александрийский*. Строматы : в 3 т. / подг. текста, пер., пред. и комм. Е. В. Афонасина. – Спб. : Издательство Олега Абышко, 2003. – Т. 1. – 544 с.

7. *Козловски, П.* Прощание с марксизмом-ленинизмом : О логике перехода от развитого социализма к этическому и демократическому капитализму; Очерки персоналистской философии / Петер Козловски ; пер. с нем. под ред. М.Н. Грецкого. – Спб.: Экономическая школа, 1997. – 214 с.

8. *Ле Гофф, Ж.* Другое средневековье. Время, труд и культура Запада / Ж. Ле Гофф; пер. С. Чистяковой, Н. Шевченко. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2000. – 328 с.

9. *Лиотар, Ж.-Ф.* Постмодернистское состояние : доклад о знании // Философия эпохи постмодерна. – Мн. : Красико-принт, 1996. – С. 140-158.

10. *Недель, А.* Манифест философии // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zerkalo-litart.com/?p=4815>

11. *Ницше, Ф.* Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей / Ф. Ницше; пер. с нем. Е. Герцык и др. – М. : Культурная Революция, 2005. – 880 с.

12. После философии. Конец или трансформация? : пер. с англ. – К. : Четверта хвиля, 2000. – 431 с.

13. *Рассел, Б.* История западной философии : в 2 т. – Т. 2. – М. : МИФ, 1993. – 445 с.

14. *Рикёр, П.* Путь признания / Пер. И.И. Блауберг, И.С. Вдовиной. - М. : РОССПЭН, 2010.

15. *Свасьян К.А.* О конце истории философии // Вестник Российского Философского Общества. – № 4 (36). – 2005. – С. 33-49.

16. Сумма теологии. – К. : Ника-Центр Год: 2008 – 936 с.

17. *Хайдеггер, М.* Самоутверждение немецкого университета // Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. – М. : Гнозис, 1993. – С. 222-231.

18. *Хайек, Фридрих Август фон.* Дорога к рабству / Ф.А. фон Хайек. – М. : Новое издательство, 2005. – 264 с.

19. *Шопенгауэр, Артур.* Об университетской философии // [Электронный ресурс] - Режим доступа: http://lib.ru/FILOSOF/SHOPENGAUER/s_o_filosofii.txt

20. *Lohr, C.H.* The medieval interpretation of Aristotle // The Cambridge History of Later Medieval Philosophy. Kretzmann N., Kenny A., Pinborg J. (ed.). Cambridge University Press, 1982. – P. 23-36.

Статья поступила в редакцию 21.03 2014 г.